

15. Жарова Л.Н., Мишина И.А. Указ. соч. С. 24, 42-44, 83-84, 104-105.
16. Загладин Н.В., Минаков С.Т., Козленко С.И., Петров Ю.А. Указ. соч. С. 24, 42-44, 83-84, 104-105.
17. Там же.
18. Шестаков В.А., Горинов М.М., Вяземский Е.Е. Указ. соч. С. 136, 262, 285, 307-308.
19. Жарова Л.Н., Мишина И.А. Указ. соч. С. 264-265.
20. Долуцкий И.И. Указ. соч. С. 8, 13,14, 30.
21. Загладин Н.В., Минаков С.Т., Козленко С.И., Петров Ю.А. Указ. соч. С. 127.
22. Шестаков В.А., Горинов М.М., Вяземский Е.Е. Указ. соч. С. 262.
23. Новейшая история Отечества. XX век. / под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. М.: Владос, 1998, Т.1, С. 423; Т.2., С. 91.
24. Сахаров А.Н. История и стабилизация общества // Преподавание истории и обществознания в школе. 2007, №10, С. 35.
25. Там же С. 34.
26. Там же.
27. Стандарт среднего (полного) общего образования по истории. профильный уровень // Преподавание истории в школе. 2005. №1. С. 26.
28. Проблемное поле – история в школе: круглый стол // Учительская газета. 2008. №1. С.4.

**Смирнов С.В.
(Екатеринбург)**

Роль истории в воспитании патриотизма у русских детей эмигрантов в Маньчжурии (1920-1930-е гг.)

Главные усилия Русского Зарубежья в области образования определялись стремлением сохранить у детей знание традиционной русской культуры и привить навыки, которые позволили бы им играть созидательную роль в будущей освобожденной России. А. Петров, преподаватель русской школы в Стамбуле, писал в 1924 г.: «... руководствуясь новейшими течениями педагогики и психологии, наша школа должна быть строго национальной, на нас лежит трудная ответственная задача сохранить в детях, а в нужных случаях зажечь святой огонь любви к утраченной отчизне, познакомить их с величием родной истории, красотой родной поэзии и литературы – словом, дать знание и понимание родного края» (1).

В связи с этим, особое внимание эмигрантской школы было сосредоточено на т.н. «русских дисциплинах» – языке, истории, литературе, географии, а также религии. Между тем условия проживания в иностранной среде, неопределенность перспектив освобождения Родины вызывали необходимость подготовить молодежь к трудовой деятельности в стране проживания, что требовало изучения новых дисциплин. В общеобразовательных школах, как в начальной, так и в средней, больше внимания стали уделять естественным наукам. Появились двуязычные школы, где общие дисциплины преподавались на местном языке, а «русские» – на русском, либо все предметы преподавались чередованием через день на обоих языках. К 1930-м гг. большая часть детей эмигрантов в Европе обучалась в местных школах, хотя многие посещали занятия или курсы по русским дисциплинам вне школы (2).

Более благоприятные условия для существования русской эмигрантской школы сложились в Маньчжурии (особенно, в Харбине), с ее многочисленным, компактно проживавшим русским населением, сохранившейся с дореволюционных времен русской атмосферой и чуждостью этнокультурного окружения, практически исключавшей возможность ассимиляции. Эмигрантские школы Маньчжурии были одноязычными, даже те, которые создавались иностранными миссионерскими организациями (методистской и католической церковью, Христианским союзом молодых людей), хотя преподавание иностранного языка (преимущественно английского) было поставлено здесь очень хорошо. Китайский язык, хотя и был включен в школьные программы, но рассматривался скорее как экзотическая и не очень нужная добавка.

Согласно изысканиям М. Раева, преподавание истории в эмигрантских школах осуществлялось по старой дореволюционной схеме, предполагавшей акцентирование внимания на истории династий, военных и дипломатических событиях и рассмотрение отечественной истории как процесса модернизации или реформирования, осуществлявшихся центральной властью. Наиболее популярным и широко используемым в эмигрантских школах учебником по истории была выдержанная в духе умеренного национализма и монархизма краткая история России, написанная С.Ф. Платоновым для средней школы в 1910-х гг. (3). Так, по воспоминаниям Л.П. Маркизова, учившегося в 1920-е – начале 30-х гг. в гимназии им. А.С. Пушкина, а позднее гимназии им. Ф.М.

Достоевского в Харбине, «историю России мы изучали по учебнику Остроградского (краткий курс для младших классов), а затем по курсу проф. С.Ф. Платонова» (4).

Практически все бывшие эмигранты, учившиеся в русских эмигрантских школах в 1920-30-е гг., в своих воспоминаниях указывают на то, какое большое влияние на их патриотическое воспитание оказывали преподаваемые «русские предметы» и, в частности, история: «Нас воспитывали в русском национальном духе, знакомили с историей и культурой России, воспитывали быть патриотами нашей великой Родины» (5). Мощную роль в трансляции русского культурного, исторического наследия подрастающему поколению играли даже не сами учебные предметы, а их преподаватели. Вот, что пишет в своих мемуарах В.А. Слободчиков, окончивший гимназию им. Ф.М. Достоевского в 1931 г. «Утром перед началом занятий вся гимназия собиралась на молитву перед иконой святого Сергия Радонежского в зале на втором этаже. После молитвы директор Василий Савельевич Фролов [одновременно учитель русского языка и литературы – С.С.] произносил небольшую речь, посвященную историческому событию, произошедшему в этот день. Он был блестящим оратором и умел в кратком слове воскресить “дела минувших дней” и пробудить в сердцах молодых слушателей чувство принадлежности к великой Родине. Его речь была в то же время уроком истории нашего отечества, запоминающимся на всю жизнь. Никто так много не сделал для развития наших патриотических чувств, как этот удивительный человек» (6).

Для патриотического воспитания детей нередко использовались изобразительные средства, опирающиеся на исторические сюжеты. Согласно воспоминаниям В.В. Чеусова, получившего начальное образование в приюте-училище «Русский Дом» в Харбине, внутренние «стены училища были расписаны на мотивы исторических морских сражений. Прежде всего, в вестибюле, напротив входа, был нарисован сигнал знаменитого приказа адмирала Нахимова перед Синопским боем – “Родина ждет от каждого исполнения своего долга”. Справа во всю стену два матроса, не сдаваясь, открывают кингстоны на миноносце “Стереущий”, на левой стене – броненосец “Варяг” в последнем бою, а в столовой во всю стену против окон – “Синопский бой”. Вот на каких примерах шло наше воспитание» (7).

После провозглашения в 1932 г. в Маньчжурии под покровительством Японии независимого государства Маньчжоу-го начались перемены в жизни русской эмигрантской колонии. Жизнь колонии стала быстро политизироваться в русле антикоминтерновской борьбы, эпицентром которой на Дальнем Востоке являлась Япония. В прессе, в деятельности общественных и политических организаций борьба за освобождение «подъяремной России» заняла центральное место. Так, в периодических изданиях Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ – своеобразное «эмигрантское правительство») – газете «Русский голос» и журнале «Луч Азии» – существовали специальные рубрики «Через познание России – к освобождению», «Памятка русского», где обсуждались разные аспекты российской истории и напоминались читателю ее важные даты. Культурно-просветительский отдел БРЭМ разрабатывал и осуществлял регулярные публичные лекции по русской истории и культуре. Представление о их тематике дает план, составленный отделением Бюро в Квантунской области на первое полугодие 1940 г.: «Собор 1917 г. и восстановление патриаршества в России», «Силы, создавшие русское государство», «Как увеличивалась территория России от начала русского государства до наших дней», «Измаил», «Русская монархическая идея» и т.д. (8).

В новых условиях на первый план в деле воспитания патриотизма у детей эмигрантов выдвинулась монархическая идея, принцип «Бог. Царь. Отечество». Началось активное обращение к новейшему периоду отечественной истории, который ранее во избежание обсуждения спорных моментов не изучался. Четкий водораздел обозначил различие между дореволюционной Россией и СССР. Понятие Родины должно было ассоциироваться у эмигрантских детей с Россией (православной и монархической), которую разрушили большевики и которую им, новому поколению, в будущем предстояло возродить. Что касается Советского Союза, то в сознании патриотически настроенного эмигранта он должен был запечатлеться как «порождение Коминтерна», ничего общего с настоящей Россией не имеющее (9). Иногда учителя, явившиеся свидетелями революции и гражданской войны, доносили до учеников ужасы русской смуты, разрушившей прежнюю Россию. По воспоминаниям В.В. Катенина, один из его учителей И.М. Гамов «часто рассказывал ученикам о русской смуте 1917 г. Петя запомнил его рассказ о высокой культуре

немецких рабочих и солдат, которые в пылу революционных боев в Германии не смели даже топтать при перебежках клумбы с цветами, а рискуя жизнью бережно обегали их стороной. Для сравнения он приводил примеры как наша революционная матросня и солдаты, ворвавшись в Зимний дворец, насмерть насильовала женщин из частей женского батальона смерти... и как эта дикая неудержимая орда пыталась громить произведения искусства и даже испражнялась на ее мраморных лестницах» (10).

К концу 1930-х гг. в процессе реализации Японией программы строительства «нового порядка» в Восточной Азии все настойчивее в эмигрантской среде стала распространяться идея «общего дома», опирающегося на японские культурно-нравственные и исторические ценности. В ходе школьной реформы 1938 г. в эмигрантской школе ввели ритуальную практику поклонения резиденциям императоров Ниппон и Маньжу-Ди-Го, обязательное изучение японского языка и политики Японии в деле создания «нового порядка». В учебной программе русских высших народных школ появился новый предмет – гражданская мораль, который должен был способствовать осознанию молодым поколением своих национальных корней, а также воспитанию чувства благодарности государству Маньчжоу-го, давшему русским людям «возможность сохранить в неприкосновенности все свои национальные ценности». Так, один из разделов главы девятой программы гражданской морали для четвертого класса гласил: «Искренность и полное доверие в отношении Ниппон и Маньчжу-Ди-Го, изучение их быта, языков и хозяйственной жизни» (11). В реальности все было сложнее. Маньчжурия являлась для японцев своеобразной лабораторией по созданию нового человека, жителя «общего восточноазиатского дома», воспитанного на многонациональном культурном наследии, где стержневую роль выполняла японская традиция.

Опасение за будущее русской молодежи вызвали в общественных эмигрантских кругах недовольство японской культурно-образовательной политикой. Ряд представителей эмигрантской церкви, административных кругов, учительства пытались противодействовать политике «японизации» русской молодежи, хотя это было далеко не безопасно. Например, воспоминания И.А. Дьякова, инспектора русских народных училищ в Трехречье в 1942 г., показывают сколько преследований, едва не стоивших ему жизни, пришлось пережить автору, выступившему против отправления

культы богини Аматэрасу и навязывания чуждой культуры русским детям (12).

Чаще всего не выступая открыто против японской политики, эмигрантская школа усилила внимание к «русским предметам» в школьной программе. Сама японская политика «двойных стандартов», возвышения «нации Ямато» над другими народами Восточной Азии сыграли не лучшую роль в деле распространения японских культурных ценностей, а начавшаяся в 1941 г. война СССР с фашистской Германией резко усилили патриотические настроения в эмигрантской среде.

1. Цит. по: Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М., 1994. С. 265.
2. Там же. С. 71.
3. Там же. С. 69.
4. Маркизов Л.П. От азбуки до аттестата зрелости // Русская Атлантида. Челябинск, 2001. № 6. С. 45.
5. Добрынин П.П. 1-ое Харбинское Русское Реальное училище // Русская Атлантида. 2001. № 5. С. 33.
6. Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005. С. 70.
7. На сопках Маньчжурии. Новосибирск, 1999. № 62 (Март). С.4.
8. Аурилене Е.Е., Потапова И.В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «эмигрантское правительство». Хабаровск, 2004. С. 74.
9. Там же. С. 73.
10. Катенин В.В. Воспоминания // <http://memorial.krsk.ru/>
11. Аурилене Е.Е., Потапова И.В. Указ. соч. Приложение 9. С. 120.
12. Дьяков И.А. Аматэрасу. Правда о пережитом в Трехречье за Веру и Отчизну // Поздняев Д. Православие в Китае (1900-1997). М., 1998.

**Сокурова Н.И.
(Екатеринбург)**